

Галина Иосифовна Серебрякова

ЕЛИЗАВЕТА ЛЕБА

По изданию:

Г.Серебрякова. Женщины эпохи Французской революции

Веб-публикация: Марта, Люсиль, Vive Liberta, 2003

Сколько их, погибших, сломленных в борьбе, не отмеченных историей, незаметных женщин. Матери, дочери, соратницы - их много, захваченных Великой французской революцией, и подчас, в моменты испытаний, проверки они подлинно героичны.

Столяр Морис Дюпле в годы революционных потрясений жил на улице Сент-Онорэ, в деревянном домике, вход в который был только через ворота со двора. Он нанял дом у монастыря

«Зачатия», расположенного рядом, на той же улице Сент-Онорэ. К радости якобинца-столяра, во время революции вследствие конфискации церковных имуществе вся недвижимость монастыря вместе с домом, занятым семьей Дюпле, стала собственностью нации. Кроме одноэтажного узкого корпуса с окнами на улицу, во дворе столяра находились еще два флигеля, в одном из которых жил с июля 1791 года Робеспьер. Он занимал одну комнату, необычайно скромно обставленную, всегда тщательно прибранную.

Благодаря большому мастерству и предприимчивости столяр Дюпле задолго до революции достиг сравнительного благосостояния; в его дворе под навесом, где непрерывно кипела работа, создавались пузатые шкафы, столики на рахитичных ножках, похожие на катафалк кровати.

После революции заказы на тяжеловесную, оживленную деревянным кружевом мебель - украшение дворцов и богатых особняков - сильно сократились, но Дюпле получал подряды для революционных учреждений, и по-прежнему стучал молот, пицала пила, пел рубанок, летели стружки и пахло лаком и краской во дворе его дома. Жена столяра была женщиной добродушной, хлопотливой и гостеприимной. Подобно мужу, она мечтала, обеспечив материально своих пятерых детей, сделать из них мелких буржуа, не знающих нужды.

Меньший из детей четы Дюпле, единственный сын Яков, которого Максимилиан Робеспьер прозвал «наш маленький патриот», отличался сообразительным и пытливым умом и имел хороших политических учителей. Якобинское воспитание не пропало даром: Яков до конца жизни сохранял верность заветам якобинства.

Три дочери Дюпле (четвертая, замужняя, жила вне Парижа) во время революции были уже взрослыми девушками. Они получили хорошее по тому времени образование, пробыв по несколько лет, как диктовал обычай для девушек зажиточных семей, в монастыре «Зачатия». Монастырь не привил им ханжества и высокомерия: изучив музыку, поэзию, рукоделие, они охотно занимались стряпней и стиркой, не гнушаясь черной работой по дому. Элеонора, Елизавета, Виктория отличались цветущим здоровьем, твердостью и цельностью характеров.

Старшая из сестер, Элеонора, замкнутая, чуткая девушка, в 1791-1794 годах училась у знаменитого художника Ренье, студию которого в эту пору посещали преимущественно аристократические девицы, искавшие безобидных занятий, далеких от революционной действительности. «Мадам Робеспьер» (так дразнили они промеж себя якобинку Элеонору Дюпле, насмешливо подчеркивая вовсе не существовавшую близость ее с Максимилианом) была им совершенно чужда.

Елизавета Дюпле, вторая дочь столяра, была хороша собой, весела и подкупающе любезна в обращении с окружающими.

Виктория, неприметная и некрасивая, оставалась всегда лучшей помощницей матери в стряпне и хозяйстве.

В 1789-1793 годах девушек Дюпле можно было увидеть во дворе дома, в Якобинском клубе и в рядах революционных шествий. В квадратном дворике, где высохла мебель, гордость столяра, и сохло на солнце белоснежное белье - гордость женщин Дюпле, - сестры появлялись, подоткнув юбки, с ведрами и метлами. Елизавета, выливая помой, балуя котят и собак, мурлыкала «Карманьолу» или шутила с рабочими, громко смеясь, часто без всякого повода, от избытка сил, довольства собой и всем окружающим. Ей было двадцать лет.

В Якобинском клубе девушки бывали часто, терпеливо просиживали на длинных заседаниях, слушая внимательно часовые выступления ораторов, не всегда содержательные и оригинальные, но почти обязательно цветистые и полные декламаторского пафоса. В мрачной зале Якобинского клуба впервые прозвучали потерявшие теперь свою свежесть метафоры: «факел революции», «гидра тирании» и много аналогичных.

В день, когда после расстрела народной демонстрации на Марсовом поле столяр Дюпле, восторженный радикал, привел к себе в качестве постояльца Робеспьера, находившегося под угрозой преследования, быт семьи резко изменился. Начиная от хозяина до подмастерьев, бывших в доме столяра на правах равных, все старались угодить «неподкупному» и показать ему свое преклонение, как бы отражая обожание, с которым тянулся к Робеспьеру мелкий люд Парижа.

Для него госпожа Дюпле, образцовая хозяйка, просила своих родственников присылать из деревни птицу и овощи; похвала обеде или варенью, высказанная Максимилианом, заставляла расплываться в счастливой улыбке ее широкое крестьянское лицо. Когда Робеспьер спал или работал, вся семья тихонько обходила его комнату, а когда заседание Конвента или клуба затягивалось до рассвета, какая-нибудь из женщин Дюпле поджидала его у низких ворот.

Выросший вне семьи, одинокий и недоверчивый, Робеспьер, естественно, отвечал большой привязанностью семье столяра, ставшей ему вполне родной. Он ввел в гостеприимный дом на Сент-Онорэ своих друзей. Сен-Жюст, Кутон, Фукье-Тенвилль, Давид часто после длинных совещаний во флигеле, где жил Максимилиан, приходили в главный корпус - квартиру столяра. Там устраивались импровизированные вечеринки. Девушки пели, им иногда аккомпанировал Буонаротти, потомок Микеланджело, будущий друг Бабефа, Сен-Жюст декламировал, госпожа Дюпле суежилась, угощая, Морис Дюпле, процеживая слова, рассказывал последние сплетни городской толпы и каламбуры Пале-Рояля, и обычно до рассвета друзья не расходились. Случалось, что вечеринки у Дюпле посвящались чтению классиков. Освещенный огнем камина, Робеспьер читал отрывки из Корнеля или Расина.

Как-то в сентябре 1792 года к Робеспьеру зашел двадцатисемилетний член Конвента Филипп Леба и с той поры стал приходить ежедневно с огромной лохматой собакой, носящей странную кличку Шелликем. Бывая у Дюпле, Леба обязательно поддразнивал Елизавету, спорил о живописи с Элеонорой, играл на скрипке, брэнчал на клавесине, помогал в хозяйстве госпоже Дюпле и в ученье баловню Якову. Жизнерадостная, крепкая Елизавета понравилась Филиппу с первого знакомства. Немного сухая, всегда строго логичная Элеонора, влюбленная в Робеспьера, внушала ему больше уважения, чем симпатии.

Леба благоговел перед Максимилианом Робеспьером, которого считал гениальным творцом революции. Робеспьер отвечал ему искренней симпатией, ценя в Леба честность, твердость, смелый ум и искренность.

К Елизавете Максимилиан относился с покровительственной нежностью и вниманием; обычно погруженный в себя, раньше других заметил он зарождающуюся любовь Елизаветы и Леба друг к другу.

В узеньком коридоре дома Робеспьер сказал Елизавете о своих наблюдениях и, всегда суровый в оценке людей, многозначительно глядя на нее, отозвался о Филиппе с горячей похвалой, смутившей девушку.

Первые главы любви Филиппа и Елизаветы обычны, но, однако, трогательно наивны и прекрасны, в их романе были и беспокойство, и сомнения, и недоговоренные улыбки, взгляды, вздохи и слезы.

Однажды на заседании Конвента Елизавета с Шарлоттой, сестрой Робеспьера, сидела в первом ряду за барьером, отделяющим публику от депутатов. На ней было лучшее из ее платьев, серенькое в цветочках, с косыночкой на плечах.

Она показалась Филиппу красавицей, когда, глядя на нее, он подходил к решетке, но смущенной Елизавете чудилось, что молодой депутат посмеивается над ней. Однако странно было то, что с маленького пальца, небрежно барабанящего по скамье, Леба снял колечко и, забрав его, ушел, неуверенно улыбаясь. Елизавета, растерянная и подавленная неуловимостью происшедшего, проплакала всю ночь и, что было загадкой для окружающих, стала грустной и бледной. Бедняжка страдала, не понимая поступка Филиппа, предполагая, что он подшутил, заметив, что она его любит, к тому же пропажа кольца, подарка родных, могла вызвать расспросы и догадки. Так продолжалось некоторое время, казавшееся девушке бесконечным: заболевший Филипп долго не появлялся. Наконец по деревянной лесенке, помахивая хвостом, вбежал Шелликем, а за ним Филипп, как всегда веселый и смеющийся. У него попросили вернуть колечко, и он, не менее тревожившийся, чем Елизавета, не выдержал далее - признался в своей любви.

Столяр Дюпле и его жена были польщены сватовством друга Робеспьера и с оформлением брачного контракта не медлили. Он был подписан 26 августа 1793 года.

Идиллическая любовь Елизаветы и Филиппа - одна из очень немногих романтических историй двух лет революции перед

Термидором, когда уже заметно подготовлялся тот сдвиг в нравах, что достиг высшего предела при Директории. К любви относились упрощенно и грубо. Браки поражали кратковременностью, и разводы следовали один за другим. Не утруждали и не усложняли чувство проверками и сомнениями, отдавались любви спеша и не раздумывая.

Совместная жизнь Филиппа и Елизаветы Леба была овеяна тихой маленькой радостью. Они как бы осуществили для себя ненадолго ту незатейливую утопию мелкобуржуазного счастья, которую обещали массам якобинцы. Как и раньше, в доме родных, Елизавета занималась уборкой и шитьем в своей квартирке, просто и уютно обставленной госпожой Дюпле-матерью, по-прежнему после работы дома она уходила с мужем в Конвент, в клуб или к родным. Сын, родившийся у Елизаветы, был встречен бурным восторгом Филиппа и стариков Дюпле, даже неулыбающийся Робеспьер смеялся, глядя на барахтающегося в колыбели чистого и сытого ребенка. Однако с каждым месяцем все задумчивее и сосредоточеннее становился Филипп. Возвращаясь из Конвента весной 1794 года, он подолгу молчал, механически поглаживая блестящую шерсть Шелликема, и высказывал беспорядочные мысли о возможности катастрофы, которые пугали Елизавету. Она успокаивалась только в доме родных, где царил безмятежное счастье.

Столяр Дюпле, выполнявший большой и прибыльный заказ для Комитета общественного спасения, целыми днями, окруженный помощниками, строгал, пилил, красил и демонстрировал во дворе полукруглые скамьи, столы, стулья - предметы, имеющие, по мнению Дюпле, наибольшее значение в повседневной жизни людей. Хорошему настроению столяра также способствовало назначение его присяжным Революционного трибунала. По вечерам, почистившись и причесав жидкие волосы, гражданин Дюпле шел в Якобинский клуб поспорить, пошуметь и послушать.

Лето 1794 года было на редкость душное и сухое. Вместе с сестрой Элеонорой, позади тихо разговаривавших Леба и Робеспьера, Елизавета под вечер прогуливалась в Елисейских полях. В конце XVIII столетия они еще не были застроены,

выстрижены и приглажены, как теперь, представляя собой только поросшее кустарником поле в рытвинах и ухабах.

Непоколебимый фанатизм Леба заражал Елизавету: ее уверенность в том, что Робеспьер и Филипп всегда и во всем правы, была такова, что стук тележки смертников, ежедневно проезжающей по улице Сент-Онорэ, не омрачали счастья. Гильотины казались гнетущей необходимостью, спасением, и Дюпле с тяжелым спокойствием отмечали количество отсеченных голов.

Незадолго до Термидора Дюпле, Леба и Робеспьер были в деревне. Под густой листвой сытно обедали среди смеха и веселья. Элеонора и Максимилиан под руку ушли в лес, и госпожа Дюпле, скрывая горделивую улыбку, провожала их красноречивым взглядом. Все, не высказывая вслух надежды, думали о скором браке Элеоноры с Робеспьером. Но поездка в деревню была лишь кратким отдыхом в тревожные дни.

Филипп все позднее возвращался домой и все чаще говорил с Елизаветой о том, как лучше устроить ей жизнь, когда его «не будет». Он отшучивался в ответ на ее горестные расспросы, но перед Максимилианом не скрывал своей тревоги. Леба не доверял Конвенту, чуял заговор термидорианцев и настойчиво предлагал заблаговременные решительные меры. Как и другие робеспьеристы, он понимал, что угроза якобинской власти была смертельно опасна для революции.

Непосредственный практический склад характера толкал Филиппа к действию. Видя колебания и медлительность в решениях Робеспьера, он впадал в уныние, предчувствуя поражение.

За несколько недель до Термидора, во время праздника Верховного существа, идущий в процессии Леба улавливал смех, издевательства и недомолвки в рядах недавних дантонистов, уцелевших жирондистов и в «болоте», доселе безразличном и спокойном. Вернувшись после праздника домой потрясенным, он с жуткой уверенностью сказал Елизавете, что конец революции близок, если Робеспьер не будет решительным. В мучительные дни душного лета, насыщенного выжидательным молчанием, Елизавета мужественно прятала от Филиппа свои опасения. Внешне жизнь не менялась, и она пыталась утешать себя планами

будущего. Утром 9 термидора Леба ушел в Конвент. Робеспьер, готовившийся к решительному выступлению, уверил его, что красноречием подействует на депутатов и сохранит за собой большинство. О том, что произошло в Конвенте, Елизавета узнала вскоре на улице от женщин, безжалостно сообщавших подробности ареста робеспьеристов. Вскоре неожиданно для Елизаветы конвоиры привели домой арестованного Леба. В его присутствии произвели обыск и опечатали документы. В воспоминаниях об этом последнем пребывании Филиппа дома Елизавета утверждает, что в числе изъятых у Леба бумаг были документы, компрометиовавшие дантонистов. Документы эти будто бы бесследно исчезли. После процедуры опечатания и конфискации бумаг Филиппа отвели в тюрьму Ла-Форс. Прощаясь с женой, Леба еще надеялся на скорое освобождение, рассчитывая на вмешательство Парижской коммуны и якобинцев предместий.

Двумя часами позже Елизавета, в смятении, с бешено бьющимся сердцем, едет на извозчике к тюрьме, где заключен Филипп Леба. Она везет мужу то, что кажется ей необходимым и что должно скрасить одиночество камеры. Ее руки судорожно придерживают матрац, складную кровать, узел с одеялом, бельем, памятками о ней и сыне.

Перед плохо охраняемыми воротами тюрьмы она видит делегатов решившей сопротивляться Коммуны, присланных мэром Парижа Флерио. Они требуют освобождения робеспьеристов, и тюремные власти, подчиненные Коммуне, выпускают арестованных. Позади других появляется Леба. Не в силах сдержать вопля горя и надежды, Елизавета бросается к мужу. Тогда он поспешно говорит ей слова, которые и пятьдесят лет спустя еще звучали в ее ушах. Он давал ей множество советов: «Корми маленького Филиппа грудным молоком», «внуши ему любовь к родине», «скажи, что отец умер ради него». Леба был, как всегда, непоколебим, но в словах неотступающего якобинца не чувствовалось уверенности в победе.

Направляясь вместе с младшим Робеспьером в ратушу, он на ходу повторял жене: «Живи для нашего сына, воспитай из него борца, ты сможешь это. Прощай, моя Елизавета, прощай». Леба скрылся в подьезде, но Елизавета не уходила. Она провела

долгие часы, не отрывая глаз от освещенных окон, следя за мелькающими силуэтами, в надежде еще раз увидеть Леба. Лишь к ночи Елизавета вернулась домой, Крошечный сынишка горько плакал, не получая необычно долго своей порции материнского молока.

В залах муниципалитета Филипп и брат Максимилиана встретились с Робеспьером, Кутоном, Сен-Жюстом, также только что освобожденными из тюрем, и командующим войсками Парижа Анрио. В течение всего вечера Леба часто поднимался из-за стола заседающих и подолгу смотрел на большую площадь перед ратушей. На ней царило неопишное возбуждение. Быстро собранные отряды предместий, верные робеспьеристам, при свете факелов представляли полуфантастическое зрелище. Тщательно сложенные ружья внушительно выстроились длинными рядами. Грозное небо, покрытое тучами, прорезывали молнии. Начался крупный летний дождь, от которого, шипя, гасли огни факелов. Леба с нетерпением ждал действий Робеспьера, отмечая про себя, как много времени уже было упущено. Вооруженные силы Парижа под командой генерала Анрио были на стороне Робеспьера, артиллерия могла без труда разогнать Конвент, члены которого в течение первых часов ничего бы не могли противопоставить Анрио. Почему же Конвент не объявлен немедленно распущенным, почему не схвачены Тальен, Баррас и другие заговорщики, почему новое революционное правительство не объявляет о своем образовании народу? Леба не знает, что Робеспьер, быть может, ждет, чтобы восстание предместий само решило его судьбу и судьбу революции, рассчитывает, быть может, на возвращение к нему колебавшегося большинства Конвента. Быть может, Робеспьер учитывает не только Париж, но и всю Францию, которую не легко поднять против сохранившей внешний престиж законной власти Конвента. А армия - не поддержит ли она Конвент, не останется ли она на стороне организатора победы Карно, не сотрет ли она с лица земли артиллерию Анрио? Не потому ли колеблются сами солдаты Анрио, не потому ли расходятся по домам, когда наступает ночь, якобинские добровольцы, что Робеспьер в их глазах бунтовщик, взывающий к новому восстанию против законной власти. Но было уже столько восстаний и переворотов,

а дороговизна, безработица и голод бьют все больше бедняков. Энтузиазм предместий не вспыхивает, как раньше огненным факелом, освещающим исторический путь масс, Робеспьер не решается еще раз натянуть стальную узду - вздыбить усталый Париж. Леба бессильно сжимает кулаки. Льет проливной дождь. Анрио фанфаронствует.

Площадь перед ратушей почти пуста. Тогда белые добровольцы Барраса переходят в наступление. Их патрули рыщут по городу, объявляя Робеспьера вне закона. Два отряда движутся к Совету Коммуны, их ждет неожиданная удача. Ратуша не охраняется, в освещенных залах делегации предместий и ораторы муниципалитета обмениваются приветственными речами, Робеспьер в кружке друзей приступает к организации восстания. Поздно. Солдаты Конвента врываются в ратушу. Они взламывают дверь в придавленный потолком зал, где заседают вожди якобинцев, и выстрел кончающегося самоубийством Филиппа Леба заглушается падением тела раненого Робеспьера, опрокинутыми стульями, топотом ног, проклятиями якобинцев и возгласами торжествующих термидорианцев. Младший Робеспьер бросается из окна на каменные плиты мощеной площади.

Когда трагическая весть о разгроме робеспьеристов дошла до Елизаветы, она, измученная ожиданием развязки бесконечной ночи с 9 на 10 термидора, потеряла сознание, и в течение двух дней оно к ней не возвращалось. К ее счастью, она не слыхала знакомого дребезжания тележки палача, провезшей мимо дома Дюпле Робеспьера и его единомышленников. Елизавета не видела, как озверевшая, воющая толпа, еще вчера поклонявшаяся «неподкупному», задержала тележку смерти у квартиры столяра и какой-то хулиган мальчишка мазал кровью закрытые ставни и ворота дома. Неподвижно лежавший с раздробленной челюстью Робеспьер, казалось, не замечал издевательств, и глаза его были закрыты. Элеонора, верный друг Максимилиана, видевшая все в щель ставен, не была избавлена и от этой пытки.

С трудом оправившись, Елизавета тщетно разыскивала могилу Филиппа; вместе с Леба исчез Шелликем. Он пролежал на убогом

холмике могилы Леба два дня и вернулся 12 термидора, жалобно повизгивая, к жене любимого хозяина.

Вскоре после Термидора на квартиру Елизаветы пришли агенты Комитета общественной безопасности и увели ее вместе с пятинедельным ребенком в тюрьму Таларю, туда же была заключена и Элеонора Дюпле. Сестры помещались в наскоро оборудованной из обыкновенного жилого дома тюрьме, в душной мансарде под самой крышей. По ночам Елизавета стирала тряпки, заменявшие пеленки ребенку, а Элеонора просушивала их под своим матрацем.

Столяр Морис Дюпле, его жена и сын были арестованы тотчас же после падения Робеспьера. Госпожа Дюпле, полагая, что ее ждет гильотина, повесилась 10 термидора.

Когда восемь месяцев спустя Елизавета вышла из тюрьмы, у нее не было ни жилья, ни денег. Она зарабатывала хлеб себе и своему ребенку тяжелым физическим трудом, стирая на реке белье. Преследуемая, одинокая, она гордится фамилией, которую носит, отказывается давать показания, и ни разу в тяжелые годы термидорианской реакции с ее губ не срывается слово раскаяния или сожаления.

Иначе держала себя Шарлотта Робеспьер. Арестованная после Термидора, она поспешно отреклась от своих братьев. Это обеспечило ей пенсию в 6 тысяч франков от Директории. Госпожа Каро, как стала отныне называться Шарлотта Робеспьер, ухитрилась сохранить пенсию, несмотря на частую смену правительств, до самой смерти. Свое позорное поведение она тщетно попыталась объяснить в мемуарах и завещании, в которых уверяла, что никогда не отрекалась от братьев.

Елизавету Леба не удалось подкупить термидорианцам, несмотря на ряд попыток. Она рассказывает в своих воспоминаниях, каким образом ей случалось отбиваться от их настойчивых домогательств. Однажды, испугавшись, что хитростью у нее вырвут отречение от Филиппа Леба, Елизавета, не имея пера и чернил, разрежала руку и булавкой, обмакнутой в кровь, написала, что не примет никакой помощи от палачей мужа.

Впоследствии Елизавета вышла вторично замуж за брата Филиппа и овдовела в 1829 году. Вдова Леба умерла лишь в 1855

году. Незадолго до смерти она писала: «Я люблю свободу; кровь, которая течет в моих венах теперь, в семьдесят лет, кровь республиканки».

Сын Филиппа и Елизаветы был талантливым ученым, отдававшимся науке с той же страстью и верностью, как его отец когда-то революции. По странному капризу истории профессор Филипп Леба, сын члена Конвента, в годы Реставрации был приглашен преподавателем за границу к одному молодому человеку, воспитанием которого руководил некоторое время. Его уроки были, по-видимому, восприняты своеобразно, так как из юноши не вышло якобинца.

Ученик Филиппа Леба был не кто иной, как будущий Наполеон III.